

Маринова Е. В. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) / Е. В. Маринова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 151—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169.

Marinova, E. V. (2023). Evolution of Concept VIRTUAL PERSONALITY in Digital Age (a Sociolinguistic Study based on Russian Texts). *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 151-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169

**Эволюция понятия
«виртуальная личность»
в цифровую эпоху
(социолингвистическое
исследование на материале
русских текстов)**

Маринова Елена Вячеславовна
orcid.org/0000-0003-3860-5606
доктор филологических наук,
профессор
кафедры преподавания русского языка
как родного и иностранного
marinova@list.ru

Нижегородский государственный
лингвистический университет
имени Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00991,
<https://rscf.ru/project/23-28-00991/>

**Evolution of Concept
VIRTUAL PERSONALITY
in Digital Age
(a Sociolinguistic Study
based on Russian Texts)**

Elena V. Marinova
orcid.org/0000-0003-3860-5606
Doctor of Philology, Professor
Russian Language as Native and Foreign
Teaching Departments
marinova@list.ru

Linguistics University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00991,
<https://rscf.ru/project/23-28-00991/>

© Маринова Е. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается эволюция актуального для цифровой эпохи понятия «виртуальная личность» (от диффузного до терминологического). Анализируются средства его выражения. Источники исследования: персональные сайты и блоги современных отечественных авторов, прозаические и философские тексты. Привлекались также электронные поисковые базы: Национальный корпус русского языка, медиабанк «Интегрум». Цели исследования — определить и описать семантическую структуру термина *виртуальная личность*; выявить смысловые связи со смежными номинациями (сетевая личность, цифровая личность; реальная личность); установить возможные трансформации понятия «личность» в цифровую эпоху. Исследование выполнено с использованием методик когнитивистики и функциональной социолингвистики. В итоге: представлена модель словарной статьи термина *виртуальная личность* (для готовящегося словаря терминов цифрового общества). Впервые проведён сравнительный анализ понятий «виртуальная личность» и «цифровая личность» по таким критериям, как намеренность / ненамеренность, активность / пассивность, субъект / объект воздействия, наличие / отсутствие (относительной) свободы. Предложен вывод о расширении семантики слова *личность* в контексте цифровых технологий информационного общества за счёт нового лексико-семантического варианта: 'совокупность данных пользователя, представленных в Сети в цифровом формате; цифровой след'.

Ключевые слова:

язык цифрового общества; виртуальная личность; эволюция понятия; семантическая структура термина; цифровая личность; лексика двоемирия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The evolution of the concept of “virtual personality” relevant for the digital age (from diffuse to terminological) is considered. The means of its expression are analyzed. Research sources: personal websites and blogs of contemporary Russian authors, prose and philosophical texts. Electronic search databases were also involved: Russian National Corpus, the media bank “Integrum”. The objectives of the study are to define and describe the semantic structure of the term *virtual personality*; identify semantic connections with related nominations (network personality, digital personality; real personality); to establish possible transformations of the concept of “personality” in the digital age. The study was carried out using the methods of cognitive science and functional sociolinguistics. As a result: a model of a dictionary entry for the term *virtual personality* is presented (for the forthcoming dictionary of digital society terms). For the first time, a comparative analysis of the concepts of “virtual personality” and “digital personality” was carried out according to such criteria as intentional / unintentional, activity / passivity, subject / object of influence, presence / absence of (relative) freedom. A conclusion is proposed about the expansion of the semantics of the word *personality* in the context of digital technologies of the information society due to a new lexical-semantic variant: ‘a set of user data presented on the Web in digital format; digital footprint’.

Key words:

the language of the digital society; virtual personality; concept evolution; semantic structure of the term; digital personality; dual world vocabulary.

Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов)

© Маринова Е. В., 2023

1. Введение = Introduction

Терминологическое сочетание *виртуальная личность* мы рассматриваем как единицу нового пласта русской лексики, формирующегося в эпоху цифровой революции, по масштабу и степени качественного преобразования технологий сопоставимой с важнейшими нововведениями в жизни человечества (изобретением огня, паровой машины, печатного станка). Этот пласт лексики можно считать своеобразной терминологией *цифрового общества* — той стадии современного социума, на которой его основные институты и институции последовательно и уже безвозвратно переводятся на цифровые технологии (подробнее об этом см., например, в [Lovink, 2016; Selwyn, 2019; Добринская, 2021]).

Следует отметить, что формирующаяся на наших глазах лексика цифровой эпохи отражает не только социальные последствия новой технологической революции (новые форматы деятельности человека, массового и межличностного коммуницирования и под.), но и её *онтологические последствия*, проявляющиеся в некоем удвоении мира, бытия, в осознании существования по ту сторону экрана нашего технического устройства реальности иной, чем у естественной и когда-то единственной реальности, природы.

Особенно остро это «удвоение» ощущают философы, теоретики сетевой культуры [Барикко, 2019; Жижек, 1998; Ловинк, 2019; Морозов, 2014; Харари, 2019; Эко, 2018], а также писатели, режиссёры и другие представители творческих профессий, как правило, чувствительные к глубинным переменам бытия, в особенности если эти перемены касаются самой сути Homo Sapiens. Однако происходящие в восприятии мира изменения фиксирует своими собственными средствами и язык. По нашим наблюдениям, в русском языке представление его носителей о существовании Другой, «закранной» (С. Жижек) реальности отражают следующие языковые процессы:

— регулярная полисемия по типу: *библиотека* — об электронной библиотеке, *почта* — об электронной почте и под.;

— устоявшиеся антонимические пары, задающие оппозицию двух миров: *виртуальный* — *реальный*, *онлайн* — *офлайн*;

— разрастание парадигматического ряда языковых единиц с общей атрибутивной семантикой ‘реализуемый, осуществляемый, существующий в интернете’, как то: *веб-, виртуальный, интернет-, кибер-, онлайн-, сетевой, цифровой, электронный*. Присоединяясь к самым привычным словам различных предметных областей (от бизнеса и политики до развлечений и досуга), эти слова участвуют в номинировании виртуальных **аналогов** тех реалий и явлений, которые существовали и в «до-интернетовскую» эпоху (см., например: *виртуальный музей, интернет-торги, цифровые деньги, онлайн-голосование* и др.). Причём в круг сочетаемости этих ключевых слов цифровой эпохи входят и наименования лиц (*виртуальный доктор, цифровой педагог, электронный брокер, онлайн-переводчик* и др.).

Эти предварительные наблюдения над формированием лексики «дво-емирия» в русском языке, представленные более подробно в [Маринова, 2022б, с. 42—73], мы учитывали, обратившись к устойчивому словосочетанию *виртуальная личность*, обозначающему одно из важнейших понятий в теории сетевой культуры. Вопросы, которые мы ставили перед собой в ходе исследования:

— Каковы границы понятия «виртуальная личность»? средства его выражения в разного типа дискурсах?

— Каковы семантические связи этих средств выражения с номинациями, обозначающими противоположные понятия (*живая личность, реальная личность*), а также смежные понятия (*сетевая личность*, и в особенности набирающее популярность с 2020 года — *цифровая личность*)?

— Каким образом можно представить семантическую структуру термина *виртуальная личность* с учётом эволюции понятия?

— Можно ли констатировать тенденцию к трансформации понятия «личность» в цифровую эпоху?

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods Review

Исследование проведено на стыке функциональной социолингвистики и когнитивистики с использованием методики компонентного анализа семантики, лингвокультурологического комментария, контекстного и дискурсивного видов анализа. В качестве основного избран научный подход, опирающийся на представление о динамическом характере языковых процессов, среди которых наиболее значимыми являются изменения в языковой семантике, свидетельствующие о глубинных преобразованиях в сознании языкового коллектива (по терминологии А. Д. Шмелёва, «подлинных» изменений) [Шмелёв, 2012, с. 72—73]).

Источниками исследования послужили интернет-ресурсы: персональные страницы, сайты, интернет-издания, в материалах которых в течение

последних 20 лет обсуждается проблематика виртуальной личности и поднимаются смежные вопросы социального и философского характера (вопросы идентичности, свободы, онтологии человека и под.); научные статьи по психологии виртуальной (сетевой) личности; труды теоретиков сетевой культуры; художественные тексты отечественных авторов. Привлекались также электронные поисковые базы: Национальный корпус русского языка [НКРЯ], медиабанк «Интегрум» (сервис «Архив СМИ», с 1996 года) [Интегрум]. Путём поискового запроса на исследуемые нами языковые единицы, а именно различные вербальные средства выражения понятий «виртуальная личность», «реальная личность», выявлялись контексты употребления запрашиваемых слов и словосочетаний в дискурсе следующих типов: художественный (по НКРЯ), публицистический (по НКРЯ и «Интегруму»), сетевой (по НКРЯ). Всего проанализировано свыше 1000 диагностирующих контекстов.

Подчеркнём, что научный интерес к эволюции понятия «виртуальная личность» и связанной с этим проблеме возможной трансформации семантики слова *личность* объясняется и тем, что на современном этапе терминология цифрового общества как объект лингвистики системно не рассматривалась — по крайней мере, на материале русского языка. До сих пор отечественные исследователи занимались лингвистическим анализом лишь отдельных терминов и идеологем — *искусственный интеллект*, *цифровая экономика*, *цифровая цивилизация* (В. В. Волков — в лингвоментальном аспекте), *QR-код* (О. А. Глущенко — в социолингвистическом аспекте), *экосистема* (А. В. Алтухов, З. Н. Афинская — в свете когнитивного терминоведения).

Иное положение дел мы видим в смежных гуманитарных науках. В глобальном плане актуальность осмысления проблемы перехода человечества «на цифру» связана с решением целого комплекса гуманитарных вопросов современности (трансформация традиционных ценностей; трансформация концепции человека как одной из таких ценностей; опасность техноцентризма; размывание границ реальности как следствие симуляции действительности в интернет-пространстве; переосмысление этики и т. д.). Эти вопросы поднимаются и освещаются в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей в области политологии, социальной философии, социологии (А. Барикко, П. Домингос, С. Жижек, В. А. Кутырёв, Г. Ловинк, М. Маклюэн, Евг. Морозов, П. Слотердаик, В.И. Спиридонова, Ю. Харари, У. Эко и др.) [Барикко, 2019; Ловинк, 2019; Морозов, 2014; Харари, 2019; Эко, 2018; Lovink, 2016 и др.]. В специальной научной литературе активно обсуждаются и вопросы безопасности, включая безопасность личности как ценности человеческой культуры, чему посвящены, например, работы Алекс. Дж. Беллами, Р. Инглхарта, В. Н. Конашева, О. Н. Ми-

хайлѐнка, В. Н. Назарова, П. Норриса, Ш. Таджбахш, А. В. Худайкуловой и др. В контексте отмеченной проблематики рассматривается и понятие виртуальной личности. В нашем исследовании акцент делается как на особенностях вербализации понятия в русскоязычных текстах, так и на его смысловом наполнении и развитии. Кроме того, впервые проводится сравнительный анализ данного понятия с близкими и, напротив, противоположными, обозначенными номинациями *сетевая личность*, *цифровая личность*; *реальная личность*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Виртуальная личность»: история и границы понятия

В русскоязычном публичном дискурсе выражение *виртуальная личность* закрепилось в конце XX века. Именно с этого времени в Сети широко обсуждаются как само понятие, так и конкретные примеры сетевых феноменов, его иллюстрирующие. Прежде всего, это феномен под названием *Мерси Шелли*. В 1998 году под этим псевдонимом писатель Алексей Андреев, уже тогда занимавшийся активной сетевой деятельностью, начал размещать в Интернете отдельные главы своего романа «Паутина» — пожалуй, первого в отечественной литературе художественного произведения о «русской сетевой жизни» [Современная русская литература..., 1999]. Ещё одним, но не единственным примером виртуальной личности стала сетевой обозреватель Катя Деткина — творение популярного блогера и интернет-идеолога Артемия Лебедева [Житинский, 1997].

Таким образом, первоначально выражение *виртуальная личность* использовалось, когда речь шла об **авторе** сетевых текстов (художественных, публицистических), пишущем под псевдонимом и узнаваемом по определённым содержательным и формальным (включая псевдоним) особенностям своих творений. В таком понимании виртуальная личность (ВЛ) — это современный вариант творца, литератора, заявившего о себе благодаря творчеству как о своеобразном писателе и скрывающегося (по крайней мере какое-то время) под псевдонимом. Разница между ВЛ и традиционной литературной мистификацией заключалась только в том, что творения ВЛ бытуют в Сети. Отсюда типичные контексты вроде следующего: *И чем, скажите, бессмертный Козьма Прутков не «виртуальная личность»?* (М. Аснин. Живая пирамида // Известия. 19.12.2001) [НКРЯ] — ср. *вымышленная*. Можно сказать, что понятие ВЛ интерпретировалось как категория литературоведения, а само словосочетание — как модный термин сетературы, именующий такой вид словесного творчества, как «псевдоавторство» — намеренное, безобидное (по замыслу) приписывание своего творчества вымышленному лицу (не анонимность, как тол-

куется в некоторых работах по сетевой культуре, а скорее мистификация). В таком понимании виртуальной личности деятельность по её созданию «приравнивается к созданию литературного персонажа или актёрского образа» [Завьялова, 2008, с. 54].

Наиболее последовательно взгляд на ВЛ как феномен интернет-культуры сформулирован в статьях Е. А. Горного, который абсолютизирует форму сетевого предъявления творчества, интерпретируя ВЛ как *тексты* («семиотические манифестации») или даже *жанр* [Горный, 2004; Горный, 2008]. Подробно феномен рассматривается в коллективном труде «Control + Shift. Публичное и личное в русском Интернете» (2009). Один из авторов сборника, а именно тот же Е. А. Горный пишет: «[ВЛ] узнаваемый жанр сетевого творчества, узаконенный соответствующей категорией в сетевом литературном конкурсе» [Control + Shift..., 2009, с. 212].

В нулевые годы XXI века феномен ВЛ становится предметом изучения лингвистов. Анализируя творчество «сетян», исследователи пишут о *виртуальной языковой личности* (см., например: [Галинская, 2010]), объект исследования при этом — текст(ы), размещённые в Сети; информация, которую человек там публично транслирует. Представление о *тексте* как форме «реализации» человека в Интернете отражено и в современной художественной литературе. Так, в романе Алексея Иванова «Комьюнити» с помощью метафоры текста передаётся восприятие интернет-пространства главным героем: *Глеба раздражала безграмотность в Сети. Сеть — это тексты. Если ты не научился излагать мысли нормативным способом, ты не овладел главным инструментом. Зачем же тогда ты лезешь что-то делать* (имеется в виду: в интернет-пространстве. — Е. М.)? [Иванов, 2012, с. 18]. В романе Дмитрия Глуховского «Текст» название становится метафорой жизни главного героя Ильи Горюнова, который от лица другого человека и с его айфона ведёт интенсивную переписку по электронной почте и мессенджером с адресатами владельца этого чужого айфона [Глуховский, 2017]. Таким образом, создаётся картина новой формы существования личности, а именно в виде электронных сообщений, и *единственной формы восприятия личности* — только через визуализацию созданного ею текста [Маринова, 2022б, с. 172].

С появлением и широким распространением соцсетей номинация *виртуальная личность* как термин сетературы уже не так актуальна, поскольку авторами в той или иной степени становятся все. ВЛ трактуется шире — как более-менее устоявшийся, различаемый в Сети образ пользователя, целенаправленно создаваемый кем-либо в разных целях (например, общения, бизнеса, игры — то есть не обязательно творчества). Понятие интерпретируется уже не только идеологами Сети, но и психологами — как на

различных сайтах, так и в специальной научной литературе. Вот типичные контексты, в которых сочетание использовано как термин психологии: *Мониторинги Интернета показывают, что количество виртуальных личностей, активно функционирующих в Глобальной сети, возрастает* [Скородумова, 2007, с. 349]; *Интернет создаёт благоприятные условия для существования различных масок (виртуальных личностей) у одного и того же пользователя* [Дьячкова, 2010, с. 69] и т. п. В исследованиях по психологии ВЛ как явление сетевой жизни пользователя Интернета обычно обсуждается в свете проблем идентичности (кстати, в английском языке выражения *virtual identity* и *virtual personality* ‘виртуальная личность’ синонимы [Горный, 2004, с. 78]), в контексте рассуждений о «раздвоении» личности современного человека (в особенности личности геймера) [Осипова, 2008; Ворон, 2021 и др.].

Следует отметить также характерную сочетаемость термина *виртуальная личность*. Весьма частотны, как показывает НКРЯ, синтагмы *создание виртуальной личности, конструирование виртуальной личности*. Семантика таких оборотов подчёркивает искусственность феномена ВЛ, его преднамеренный, подобно какому-либо проекту, характер. См.: *Если к тому же Джону Клиппенгеру удастся в своей гарвардской лаборатории построить новые системы для конструирования виртуальной личности, то кто знает... может быть, в просторах Интернета за поворотом нас ждет новый Ренессанс* (Г. Асмолов. Доверие в Сети. Психология на каждый день. 2010) [НКРЯ]; *Видимо, это инструкция по созданию виртуальной личности попалась на глаза* (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум). 2005) [НКРЯ]; *«Профессиональное» жюри не взялось оценивать такие сугубо сетевые категории, как «гипертекстовая литература» или «создание виртуальной личности»* (М. Аснин. Живая пирамида. Известия. 19.12.2001) [НКРЯ]; *Обезумевший хакер Sleepwalker, начинавший с консультаций по анонимности и экспериментов по созданию виртуальных личностей, позже взял на себя ответственность за крах уже несуществующей международной торговой площадки Amberoad* (А. Жавнерович. Бесславные ублюдки. Lenta.ru. 25.09.2017) [НКРЯ].

3.2. Средства выражения понятия «виртуальная личность»

Итак, происходит терминологизация выражения *виртуальная личность*. В нулевые годы XXI века в качестве термина, обозначающего типичное социальное и психологическое явление, оно окончательно входит в научный дискурс. Его семантическую структуру (в виде словарной статьи, где знак // вводит оттенок) можно представить следующим образом:

Виртуальная личность — устоявшийся, различаемый в Сети образ пользователя, целенаправленно создаваемый кем-либо в целях общения,

творчества, самовыражения, бизнеса, игры. // Об авторе сетевых текстов, пишущем под псевдонимом.

В современном научном дискурсе используются также **варианты** данного словосочетания (*вирт-личность, виртуальная «личность», виртуал*) и его **синонимы**. К последним, претендующим, по всей видимости, на статус термина, относятся: *сетевая личность, онлайнная личность, электронная личность, цифровая личность*. Кроме того, встречаются и менее «терминологичные» обозначения феномена ВЛ, как правило индивидуально-авторские, метафорические. См.: *Население земного шара пополняется за счёт блогговых теней личности* [Засурский, 2007, с. 11]; [В сегодняшнем мире] *появляются образы виртуальных личностей, создаются аватары современного человека... рассыпаются его устоявшиеся ценности и смысложизненные ориентиры* [Арутюнян, 2011, с. 146]; *Личность интернет-пользователя является компьютерным двойником реального человека. ...это виртуальная копия настоящей языковой личности* [Ворон, 2021, с. 193]. Ср. также *экранная персона* в переводе статьи «Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия» С. Жижека, *оцифрованное «я»* [НКРЯ], *электронное «я»* [НКРЯ] и др.

Несколько иную картину номинирования понятия ВЛ представляет сетевой неформальный дискурс — форумы различных интернет-сообществ, где также обсуждается проблематика ВЛ. Например, в дискурсе, связанном тематически с индустрией компьютерных игр и игроманией, для обозначения ВЛ используются с разной степенью частотности такие номинации, как *виртуал, клон, мульт, сокпаппет, фейк, фиктивная личность*, что отмечается также в [Ильин, 2005].

В художественном дискурсе представление авторов о своеобразном двойничестве современного человека воплощается в самых разных как однословных, так и составных нетерминологических номинациях. Вот некоторые из них: *виртуальный персонаж* [Чубарьян, 2006]; *цифровой* (субстантивированное прилагательное) [Дяченко и др., 2009]; *аватар, сетевая виртуальная персона* [Иванов, 2012]; *фальшивая личность, запасная личность* [Пелевин, 2018]; *«я»-проект* [Елизаров, 2020]. Причём если в научном и «околонаучном» сетевом дискурсе термин *виртуальная личность* используется нейтрально, то в литературных произведениях чаще всего номинации понятия ВЛ имеют негативную коннотацию и сопровождаются соответствующей авторской рефлексией. Так, главный герой романа Алексея Иванова «Комьюнити» Глеб Тяженко создаёт и излагает целостную концепцию ВЛ, не скрывая своих опасений относительно её пугающей искусственной сущности: *Аватар — сетевой образ человека... «Аватар» означает «воплощение», но кто или что воплощается в Сети? Ведь ава-*

тар автору не тождествен. Глеб был убеждён, что аватар — сложный синтез нескольких сущностей. Как минимум трёх... [Иванов, 2012, с. 8].

В целом обширная группа наименований понятия ВЛ в русскоязычных текстах свидетельствует о его актуальности. Несколько слов следует сказать об особом, «футуристическом» значении термина *виртуальная личность*. С появлением высокотехнологичных программ-ботов и внедрением их в различные сферы жизни в качестве альтернативы «живым» специалистам выражение *виртуальная личность* стало использоваться в интернет-изданиях как синоним по отношению к словам и выражениям *бот*, *искусственный интеллект*, *цифровой аватар* и под. Например: *...на телеэкранах Японии появилась 17-летняя ведущая Киоко Датэ. Непонятным образом Киоко удавалось днем вести телепередачи, сниматься в клипах и рекламе, а ночью работать в студии, подолгу отвечая на звонки радиослушателей... Оказалось, Киоко Датэ — не человек, а виртуальная личность, созданная как компьютерная программа фирмы «Хори Про»* [Виртуальные личности...].

3.3. Оппозиция «виртуальная личность — реальная личность»

В дискурсе, связанном с обсуждением феномена ВЛ, заметно выстраивание и последующее осмысление оппозиции «виртуальная личность — реальная личность». См., например: *С появлением блогов... человек как бы имеет два воплощения: то, что он представляет себя как реальная личность, во всём многообразии качеств и черт характера, и то, что объективируется в блоге, то есть виртуальная личность* [Засурский, 2007, с. 11]. Наряду с выражением *реальная личность* в русскоязычных текстах используются также синонимичные сочетания *истинная <живая, настоящая> личность*; см.: *Авторы сравнивали истинные и виртуальные личности пользователей, степень социальной привязанности и психологического благополучия, уровень тревоги, стресса и депрессии* (Учёные выявили главную опасность социальных сетей. Lenta.ru. 18.08.2016) [НКРЯ].

Рефлексирование по поводу взаимоотношений виртуальной и реальной личностей объясняется отчасти особенностями сетевой коммуникации: подлинность лица, с которым идет общение в соцсетях, даже в условиях обязательной авторизации пользователя по его настоящему, а не вымышленному имени, всё ещё может подвергаться сомнению. Не случайно один из поисковых запросов, автоматически выдаваемых системой «Яндекс» на слово *фейк* (2017), следующий: «как отличить фейк от реального человека» [Маринова, 2022б, с. 17]. Кроме того, соотношение понятий, составляющих данную оппозицию, имеет непосредственное отношение к философским категориям истинности / ложности, что находит отражение в работах как отечественных, так и зарубежных авторов [Жижек, 1998; Завьялова, 2008; Ловинк, 2019; Скородумова, 2004; Харари, 2019; Эко, 2018 и др.].

По данным НКРЯ, выражение *реальная личность* в «до-интернетовскую» эпоху использовалось в фигуре противопоставления по отношению к обороту *вымышленная личность* или же словам *мистификация, миф, легенда, призрак, псевдоним* и др. Вот характерный контекст: *В космос входит и в Божестве пребывает лишь то, что подлинно есть, лишь настоящее бытие, а не фальсификация, не фикция, не кажущееся и иллюзорное бытие, лишь реальная личность, а не призрак самоутверждающегося «я»* (Н. А. Бердяев. *Философия свободы*. 1911 [НКРЯ]). Само же прилагательное *реальный* в подобных контекстах использовалось в значении ‘существующий на самом деле, действительный, не воображаемый’ (ср. аналогичное употребление в предложениях, приведённых в словарной статье этого прилагательного в [БТС]: *реальный мир, реальная действительность, реальная основа бытия, реальная жизнь*). Однако в наших материалах, отражающих современное использование сочетания *реальная личность*, оно выступает в оппозиции именно по отношению к ВЛ, реализуя при этом новый семантический оттенок — ‘проявляющийся в действительности, а *не в виртуальном пространстве*’. Актуальным становится именно этот смысл, который органично вписывается в общее семантическое поле лексики «двоемирия».

Иными словами, ранее все проявления *не* реальной личности (мистификация, фикция, фальсификация и др.) были не что иное, как феномены окружающей действительности; сейчас — виртуальной реальности, где и протекает бытие ВЛ. Причём и философы, и психологи, и сами «сетяне» по-разному отвечают на вопрос «что реальнее — виртуальная или реальная личность?». Например, известный словенский философ Славой Жижек пишет: «Экранная персона — я её творю сам для себя — *может оказаться в большей степени “мной самим”*» (выделено нами. — Е. М.), чем моя “реально жизненная” персона (мой “официальный” имидж), поскольку в ней наличествуют видимые черты моего “я”, которые я не решаюсь эксплицировать в реальной жизни... Игра в виртуальных мирах позволяет нам обнаружить новые аспекты собственного “я”, богатство меняющихся сущностей, масок без стоящей за ними “реальной персоны» [Жижек, 1998]. Примерно та же позиция изложена в некоторых работах других авторов (см., например: [Гримов, 2013, с. 61—62]).

3.4. «Виртуальная личность» и смежные понятия

Как уже отмечалось в 3.2, в качестве синонимов к термину *виртуальная личность* в научном дискурсе нередко выступают сочетания *сетевая личность* и *цифровая личность*. Однако приблизительно за последние пять лет наметилась тенденция к дифференциации значений этих номинаций, заметная прежде всего в медийном дискурсе. Так, сочетание *сетевая лич-*

ность используется преимущественно как характеристика лица по роду деятельности (обычно — о блогере). Например, о каком-либо активном деятеле Сети можно сказать: «Он (она) известная сетевая личность». То есть референт этой номинации — реальный, конкретный человек, осуществляющий свою деятельность в Сети; **физическая** личность. Такое значение вполне коррелирует с одним из смысловых оттенков слова *личность*, зафиксированным словарями: «Человек с точки зрения его характера, поведения и т. п., определяющих его сущность» [БТС]. В словаре отмечается также, что в этом значении существительное используется только в сочетании с определением; отсюда *публичная личность*, *медийная личность*. Выражение *сетевая личность* встраивается в этот ряд.

Наблюдаются и семантические расхождения в паре *виртуальная личность* — *цифровая личность*. В контексте последних мировых событий, связанных с пандемией, режимом ограничения и цифровизацией жизни, в том числе посредством QR-кода, актуализировалось именно последнее сочетание. Отсюда заголовки типа *Цифровую личность каждому жителю России* (CryptoFeed.ru>news); *«Цифровую личность» за копейки* (Com-News) и др. См. также типичные контексты употребления этого выражения: *Многие эксперты говорят, что цифровая личность человека в ближайшее время станет очень ценным товаром* (VC.ru 15.08.2022); *Можно и даже нужно попросить друга найти вас в интернете и посмотреть на вашу цифровую личность со стороны* (Tomsk State University (en.tsu.ru) 10.08.2022) и под.

Предполагаем, что в сферу медиа термин *цифровая личность* (синонимы: *цифровой портрет*, *цифровой след*) пришёл из такой современной отрасли IT-сферы, как Science Data, изучающей технологию сбора данных о ком-либо по «следам» его присутствия в интернет-пространстве и методы обработки этих данных с помощью специальных алгоритмов [Маринова, 2022а, с. 214]. Как видим, объём понятия «цифровая личность» шире, чем объём понятия «персональные данные», поскольку сведения о пользователе, считываемые и обрабатываемые алгоритмами, включают не только то, что пользователь вводит в виде обязательных сведений о себе для авторизации в системе или регистрации на каком-либо сайте, но и то, что пользователь не сообщает, то есть ту специфическую цифровую информацию, которая остаётся в Сети как факт его присутствия и деятельности, например поисковой.

Важно подчеркнуть, что и виртуальная личность, и цифровая личность — это результат «двойной» жизни современного человека, но расхождение между самими понятиями значительное (см. табл. 1), поскольку под *цифровой личностью* понимается совокупность **данных**, хранящихся в Сети в цифровом формате и позволяющих специальным программам

(алгоритмам) составлять представление об интересах, вкусах, предпочтениях, социальном статусе, материальном достатке и других подробностях жизни пользователя без его участия. В «Критической теории Интернета» Герт Ловинк, комментируя высказывание Чарльза Ледбитера «You are what you share» («Ты то, чем ты делишься»), подчёркивает, что личность в современном мире сводится к **данным**, при этом «автономное Я» трансформируется «в некоторую направленную вовне сущность, постоянно воспроизводящую социальный капитал через **передачу ценностных данных** другим (выделено нами. — Е. М.)» [Ловинк, 2019, с. 54].

Таблица 1

Содержание понятий «виртуальная личность» и «цифровая личность»

Виртуальная личность	Цифровая личность
намеренность	ненамеренность
активность субъекта: способность / возможность манипулировать другим(и)	пассивность; объект (а не субъект); уязвимость
относительная свобода	отсутствие свободы

Отметим характерную сочетаемость коллокации *цифровая личность*. Если в случае с *виртуальной личностью* это генитивные конструкции на базе слов *создание* и *конструирование*, о чём говорилось выше, то в случае с *цифровой личностью* — та же генитивная модель, но на базе слов *кража*, *проверка*, *подтверждение*, *стирание* и под.: см., к примеру: *С учетом давно реализуемых планов по уходу государства с рынка сбора и контроля персональных данных, такие «инновации» грозят кражей отдельных «цифровых личностей» россиян с непредсказуемыми последствиями* (Континенталистъ (continentalist.ru) 02.09.2022) [НКРЯ].

4. Заключение = Conclusion

Таким образом, в цифровую эпоху как никогда актуализируется вопрос о границах личности, как, впрочем, и о границах самой объективной действительности. Ощущение раздвоенности бытия, двойственности сферы существования и деятельности современного человека отражается в языке — в выражениях *виртуальная реальность*, *интернет-пространство*, *кибермир*, *сжатая версия мира*, *цифровая копия мира* и под., именующих наличие особой онтологической области жизни человека — не физической, не телесной. Вечная тема «двойничества» как аномальной формы существования индивида в мире, о чём свидетельствует мировая литература, мировое искусство, в цифровую эпоху так или иначе затрагивает каждого пользователя Интерне-

та. Понятие «виртуальная личность» знаменует эти изменения: пройдя путь от диффузного, размытого представления об иной ипостаси существования человека в виртуальном пространстве — до терминологического, специального, это понятие, так же как и понятие «виртуальная реальность», закрепляет новую практику манифестации личности в сетевой среде.

Проведённое исследование выявило множественность обозначений ВЛ в разного типа дискурсах, что говорит об актуальности понятия. Большинство авторов, обращающихся к проблематике ВЛ, используют различные её обозначения с отрицательной коннотацией и эксплицитно или имплицитно — в зависимости от жанра и стиля текста — выражают опасение по поводу виртуальной формы «расширения человека» (М. Маклюэн), связывая свои выводы с проблемой идентичности человека, категориями истинности / ложности и другими проблемами гуманизма, вставшими перед человечеством в XXI веке. В настоящее время все эти философские вопросы только набирают остроту, поскольку, говоря юридическим языком, в деле появился новый фигурант — искусственный интеллект (ИИ). Гуманитарная угроза видится уже не только в потере идентичности человека, но и в потере свободы и даже в утрате самого существования [Волков, 2020, с. 756].

В этом отношении показательна дифференциация значений бывших синонимов *виртуальная личность* и *цифровая личность*. Если понятие ВЛ предполагает всё же некую намеренность субъекта (сформировать в Сети свой определённый образ; возможно, воздействовать с помощью него на других пользователей), а значит, активность субъекта и наличие хотя бы относительной его свободы в интернет-пространстве, то понятие цифровой личности названные параметры исключает. Цифровая личность как совокупность оставляемых пользователем «следов» присутствия в Сети, оцифрованных персональных данных, которыми могут воспользоваться и без разрешения пользователя, становится не субъектом, а объектом воздействия, пассивным и несвободным. На наш взгляд, развитие семантики выражения *цифровая личность* реализует сравнительно устойчивый сценарий семантических изменений, условно обозначенный нами так: «от техницизма (термина) к идеологеме» [Маринова, 2022а, с. 212].

В контексте идеологии цифрового общества переосмысливается содержание понятия «реальная личность». Анализ употреблений самого сочетания показывает, что в современной речи реализуется его новый семантический оттенок — «проявляющийся в действительности, а не в виртуальном пространстве; живой, телесный». Постепенно преобразуется и семантика слова *личность*: смысловая структура слова пополняется новым значением: «совокупность данных пользователя, представленных в Сети в цифровом формате; цифровой след». Подобные изменения в семантике

ценностной лексики, обусловленные глубинными, ментальными изменениями в идеологии общества в цифровую эпоху, заслуживают дальнейшего изучения. Перспективы настоящего исследования видятся нам также в создании словаря терминологии цифрового общества.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 1534 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
2. *Виртуальные личности* — аватары сегодняшних дней [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.huminfakt.ru/psihika42.html> (дата обращения 21.10.2022).
3. *Глуховский Дм. Текст* / Дм. Глуховский. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — ISBN 978-5-17-114425-8.
4. *Дяченко М. Цифровой, или Brevis est* / М. Дяченко, С. Дяченко. — Москва : ЭКСМО, 2009. — 416 с. — ISBN 978-5-04-122968-9.
5. *Елизаров М. Земля* / М. Елизаров. — Москва : АСТ, 2020. — 784 с. — ISBN 978-5-17-118544-2.
6. *Житинский А. Виртуальная жизнь и смерть Кати Деткиной* [Электронный ресурс] / А. Житинский. — Режим доступа : <https://www.netslova.ru/zhitinski/kadet1.htm> (дата обращения 10.09.2022).
7. *Иванов А. Комьюнити* / А. Иванов. — Москва : Издательство АСТ, 2012. — 382 с. — ISBN 978-5-17-098091-8.
8. *Ильин Ю. Жизнь виртуала* [Электронный ресурс] / Ю. Ильин. — Режим доступа : <https://old.computerra.ru/features/243449/> (дата обращения 10.09.2022).
9. *Интегрум* : архив СМИ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://search.integrum.ru> (дата обращения 10.09.2022).
10. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.11.2022).
11. *Пелевин В. iPhuck 10* / В. Пелевин. — Москва : ЭКСМО, 2018. — 480 с. — ISBN 978-5-04-093653-3.
12. *Современная русская литература* с Вячеславом Курицыным [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.guelman.ru/slava/archive/25-03-99.htm> (дата обращения 21.11.2022).
13. *Чубарьян А. Полный root* / А. Чубарьян. — Москва : Росмэн, 2006. — 420 с. — ISBN 5-353-02353-6.

Литература

1. *Арутюнян С. Г. Образ виртуальной личности в глобальном пространстве современности* / С. Г. Арутюнян // *Интеллектуальный потенциал XX века : ступени познания*. — 2011. — № 6. — С. 146—150.
2. *Барикко А. Игра* / А. Барикко. — Москва : КоЛибри, 2019. — 352 с. — ISBN 978-5-389-15798-9.
3. *Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум : футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты)* / В. В. Волков // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семантика. Семантика*. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 745—759. — DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759.

4. *Ворон Е. В.* Дискурсивная цифровая личность как виртуальная копия языковой личности / Е. В. Ворон // Современное педагогическое образование. — 2021. — № 5. — С. 193—196.
5. *Галинская Т. Н.* Проблема идентичности и виртуальной языковой личности / Т. Н. Галинская // Наука и современность. — 2010. — № 2—3. — С. 99—104.
6. *Горный Е. А.* Онтология виртуальной личности / Е. А. Горный // Бытие и язык : сборник статей Всероссийской гуманитарной конференции. — Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2004. — С. 78—88. — ISBN 5-7620-10-17-1.
7. *Горный Е. А.* Виртуальная личность как жанр творчества [Электронный ресурс] / Е. А. Горный. — Режим доступа : <http://www.netslova.ru/gornyi/vl.html> (дата обращения 23.11.2022).
8. *Гримов О. А.* Самопрезентация личности в социальных сетях / О. А. Гримов // Социология. — 2013. — № 2. — С. 59—66.
9. *Добринская Д. Е.* Что такое цифровое общество? / Д. Е. Добринская // Социология науки и технологий. — 2021. — Т. 12. — № 12. — С. 112—129. — DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129.
10. *Дьячкова У. В.* Деловая культура в эпоху Интернет : виртуальная личность как средство манипуляции сознанием / У. В. Дьячкова // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — 2010. — № 1. — С. 65—71.
11. *Жижек С.* Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия [Электронный ресурс] / С. Жижек. — Режим доступа : <https://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения 25.11.2022).
12. *Завьялова З. С.* Проблема определения статуса виртуальной личности : критерий истинности / З. С. Завьялова // Труды Томского государственного университета. Серия философская. Проблемы истины в философии и науке. — 2008. — Т. 270. — С. 52—57.
13. *Засурский Я. Н.* Особенности современной коммуникации / Я. Н. Засурский // Язык массовой и межличностной коммуникации : сборник научных трудов. — Москва : Медиа-Мир, 2007. — С. 9—14. — ISBN 978-5-91-177-02101.
14. *Ловинк Г.* Критическая теория Интернета / Г. Ловинк. — Москва : Ад Маргинем, 2019. — 304 с. — ISBN 978-5-91103-498-6.
15. *Маринова Е. В.* Цифровая личность : границы понятия и средства выражения в русском языке / Е. В. Маринова // Языки и культуры в цифровую эпоху : Сборник научных статей. По материалам Международной научной конференции (Нижний Новгород, 28 октября 2022). — Нижний Новгород : ННГУ, 2022a. — С. 211—215. — ISBN 978-5-91326-781-8.
16. *Маринова Е. В.* Язык Рунета в Сети и за её пределами / Е. В. Маринова. — Москва : Ленанд, 2022b. — 306 с. — ISBN 978-5-95-19-24-76-6.
17. *Морозов Е.* Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети / Е. Морозов. — Москва : АСТ, 2014. — 528 с. — ISBN 978-5-17-084792-1.
18. *Осипова А. Г.* Виртуальная «личность» и реальное «я» : проблема идентичности / А. Г. Осипова // Вопросы культурологии. — 2008. — № 1. — С. 16—17.
19. *Скородумова О. Б.* Виртуальная личность и свобода / О. Б. Скородумова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2004. — № 2. — С. 75—96.
20. *Скородумова О. Б.* Феномен «виртуальной личности» в пространстве массмедиа / О. Б. Скородумова // Медиакультура новой России : материалы Международной научной конференции. — Екатеринбург, Москва : Академический проект, 2007. — Т. II. — С. 349—359. — ISBN 978-5-8291-0903-5.

21. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / Ю. Н. Харари. — Москва : Синдбад, 2019. — 416 с. — ISBN 978-5-00131-113-3.
22. Шмелёв А. Д. Падение речевой культуры или изменение нормы? / А. Д. Шмелёв // Вопросы культуры речи. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — Выпуск IX. — С. 69—76. — ISBN 978-5-9551-0600-7.
23. Эко У. Заклятие Сатаны. Хроники текущего общества / У. Эко. — Москва : АСТ, 2018. — 704 с. — ISBN 978-5-86793-683-9.
24. *Control + Shift* : Публичное и личное в русском Интернете / Н. Конрадова, Э. Шмидт, К. Тойбинер (ред.). — Москва : Новое литературное обозрение, 2009. — 336 с. — ISBN 978-5-86793-683-9.
25. Lovink G. Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation / G. Lovink. — Cambridge and Malden : Polity, 2016. — 183 p. — ISBN 978-1-509-50776-4.
26. Selwyn N. What is Digital Sociology? / N. Selwyn. — Cambridge, UK : Polity Press, 2019. — 134 p. — ISBN 978-1-509-52714-4.

Material resources

- BTS — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2004). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Chubaryan, A. (2006). *Full root*. Moscow: Rosman. 420 p. ISBN 5-353-02353-6. (In Russ.).
- Dyachenko, M., Dyachenko, S. (2009). *Digital, or Brevis est*. Moscow: EKSMO. 416 p. ISBN 978-5-04-122968-9. (In Russ.).
- Elizarov, M. (2020). *Zemlya*. Moscow: AST. 784 p. ISBN 978-5-17-118544-2. (In Russ.).
- Glukhovskiy, Dm. (2017). *Text*. Moscow: AST Publishing House. 320 p. ISBN 978-5-17-114425-8. (In Russ.).
- Ilyin, Yu. *Virtual Life*. Available at: <https://old.computerra.ru/features/243449/> (accessed 10.09.2022). (In Russ.).
- Integrum: media archive*. Available at: <https://search.integrum.ru> (accessed 10.09.2022). (In Russ.).
- Ivanov, A. (2012). *Community*. Moscow: AST Publishing House. 382 p. ISBN 978-5-17-098091-8. (In Russ.).
- Modern Russian literature with Vyacheslav Kuritsyn*. Available at: <http://www.guelman.ru/slava/archive/25-03-99.htm> (accessed 21.11.2022). (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 20.11.2022). (In Russ.).
- Pelevin, V. (2018). *iPhuck 10*. Moscow: EKSMO. 480 p. ISBN 978-5-04-093653-3. (In Russ.).
- Virtual personalities — avatars of today*. Available at: <https://www.huminfakt.ru/psihika42.html> (accessed 21.10.2022). (In Russ.).
- Zhitinsky, A. *Virtual life and death of Katya Detkina*. Available at: <https://www.netslova.ru/zhitinski/kadet1.htm> (accessed 10.09.2022). (In Russ.).

References

- Barikko, A. (2019). *Game*. Moscow: KoLibri. 352 p. ISBN 978-5-389-15798-9. (In Russ.).
- Control + Shift: Public and Personal in the Russian Internet*. (2009). Moscow: New Literary Review. 336 p. ISBN 978-5-86793-683-9. (In Russ.).
- Dobrinskaya, D. E. (2021). What is a digital society? *Sociology of Science and Technology, 12 (12)*: 112—129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129. (In Russ.).

- Dyachkova, U. V. (2010). Business culture in the Internet era: virtual personality as a means of manipulating consciousness. *Philosophical problems of information technologies and cyberspace*, 1: 65—71. (In Russ.).
- Eco, U. (2018). The curse of Satan. Chronicles of a fluid society. Moscow: AST. 704 p. ISBN 978-5-86793-683-9. (In Russ.).
- Galinskaya, T. N. (2010). The problem of identity and virtual linguistic personality. *Science and modernity*, 2—3: 99—104. (In Russ.).
- Gorny, E. A. (2004). Ontology of virtual personality. In: *Being and language: collection of articles of the All-Russian Humanitarian Conference*. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing House. 78—88. ISBN 5-7620-10-17-1. (In Russ.).
- Gorny, E. A. Virtual personality as a genre of creativity. Available at: <http://www.netslova.ru/gorny/vl.html> (accessed 11/23/2022). (In Russ.).
- Grimov, O. A. (2013). Self-presentation of personality in social networks. *Sociology*, 2: 59—66. (In Russ.).
- Harari, Yu. N. (2019). *21 lesson for the XXI century*. Moscow: Sinbad. 416 p. ISBN 978-5-00131-113-3. (In Russ.).
- Harutyunyan, S. G. (2011). The image of a virtual personality in the global space of modernity. *Intellectual potential of the twentieth century: stages of cognition*, 6: 146—150. (In Russ.).
- Lovink, G. (2019). *Critical theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem. 304 p. ISBN 978-5-91103-498-6. (In Russ.).
- Lovink, G. (2016). *Social Media Abyss, Critical Internet Cultures and the Force of Negation*. Cambridge and Malden: Polity. 183 p. ISBN 978-1-509-50776-4.
- Marinova, E. V. (2022a). Digital personality: the boundaries of the concept and means of expression in the Russian language. In: *Languages and cultures in the Digital Age: A collection of scientific articles. Based on the materials of the International Scientific Conference (Nizhny Novgorod, October 28, 2022)*. Nizhny Novgorod: UNN. 211—215. ISBN 978-5-91326-781-8. (In Russ.).
- Marinova, E. V. (2022b). *The language of the Runet on the Web and beyond*. Moscow: Lenand. 306 p. ISBN 978-5-95-19-24-76-6. (In Russ.).
- Morozov, E. (2014). *The Internet is like an illusion. The reverse side of the Network*. Moscow: AST. 528 p. ISBN 978-5-17-084792-1. (In Russ.).
- Osipova, A. G. (2008). Virtual “personality” and real “I”: the problem of identity. *Questions of cultural studies*, 1: 16—17. (In Russ.).
- Raven, E. V. (2021). Discursive digital personality as a virtual copy of a linguistic personality. *Modern pedagogical education*, 5: 193—196. (In Russ.).
- Selwyn, N. (2019). *What is Digital Sociology?* Cambridge, UK: Polity Press. 134 p. ISBN 978-1-509-52714-4.
- Shmelev, A. D. (2012). The fall of speech culture or a change in the norm? In: *Questions of speech culture, IX*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 69—76. ISBN 978-5-9551-0600-7. (In Russ.).
- Skorodumova, O. B. (2007). The phenomenon of “virtual personality” in the space of mass media. In: *Media Culture of the New Russia: Materials of the International Scientific Conference, II*. Yekaterinburg, Moscow: Academic Project. 349—359. ISBN 978-5-8291-0903-5. (In Russ.).
- Skorodumova, O. B. (2004). Virtual personality and freedom. *Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy*, 2: 75—96. (In Russ.).

- Volkov, V. V. (2020). Artificial “intelligence” and the human mind: futuristic synecdoche and reality (linguistic and linguistic aspects). *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 11 (4): 745—759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759. (In Russ.).
- Zasursky, Ya. N. (2007). Features of modern communication. In: *The language of mass and interpersonal communication: a collection of scientific papers*. Moscow: Media World. 9—14. ISBN 978-5-91-177-02101. (In Russ.).
- Zavyalova, Z. S. (2008). The problem of determining the status of a virtual personality: the criterion of truth. *Proceedings of Tomsk State University. The series is philosophical. Problems of truth in philosophy and science*, 270: 52—57. (In Russ.).
- Zhizhek, S. *Cyberspace, or The unbearable isolation of being*. Available at: <https://old.kino-art.ru/archive/1998/01/n1-article25> (accessed 25.11.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.01.2023,
одобрена после рецензирования 20.01.2023,
подготовлена к публикации 30.01.2023.